

Часть 2. Начало раскола и его расцвет

Содержание:

Образование «Живой Церкви»

«Всероссийский съезд белого духовенства»

Разделение обновленческого движения

«Второй Всероссийский Поместный Собор»

Образование «Живой Церкви»

«Церковная революция» началась весной 1922 года после февральского декрета об изъятии церковных ценностей и последовавшего за ним в течение весны заключения под арест Патриарха Тихона.

16 мая обновленцы послали письмо Председателю ВЦИК с сообщением о создании Высшего Церковного Управления. Для государства это была единственная зарегистрированная церковная власть[1], и обновленцы превратили указанный документ в акт передачи им церковной власти.

18 мая группа петроградских священников — Введенский, Белков и Калиновский — были допущены в Троицкое подворье к содержащемуся под домашним арестом Патриарху (это событие он сам описал в своем послании от 15 июня 1923 года). Жалуясь на то, что церковные дела остаются нерешенными, они просили вернуть им патриаршую канцелярию для устройства дел. Патриарх дал согласие и передал канцелярию, но не им, а Ярославскому митрополиту Агафангелу (Преображенскому), официально сообщив об этом в письме на имя председателя ВЦИК. Но митрополит Агафангел прибыть в столицу не смог — после отказа присоединиться к обновленчеству, в Москву его не пустили, а позднее взяли под стражу[2].

19 мая Патриарх был вывезен из Троицкого подворья и заключен в Донской монастырь. Подворье заняло обновленческое Высшее Церковное Управление. Для видимости, что управление законно, был склонен к работе в

ВЦУ епископ Леонид (Скобеев). Обновленцы встали у руля церковной власти.

Не теряя времени, ВЦУ (Высшее Церковное Управление) рассылает по всем епархиям воззвание «Верующим сынам Православной Церкви России». В нем, как и было запланировано, обновленцы используют кампанию изъятия церковных ценностей в целях дискредитации Патриарха. Вот выдержки из него: «Пролилась кровь, чтобы не помочь Христу — голодающему. Отказом помощи голодному церковные люди пытались создать государственный переворот.

Воззвание Патриарха Тихона стало тем знаменем, около которого сплотились контрреволюционеры, одетые в церковные одежды и настроения. Мы считаем необходимым немедленный созыв поместного Собора для суда над виновниками церковной разрухи, для решения об управлении церковью и об установлении нормальных отношений между нею и Советской властью. Руководимая высшими иерархами гражданская война должна быть прекращена»[3].

29 мая в Москве прошло учредительное собрание, на котором в ВЦУ были приняты следующие священнослужители: председатель — епископ Антонин, его заместитель — протоиерей Владимир Красницкий, управляющий делами — священник Евгений Белков и еще четыре члена. Были сформулированы основные положения живоцерковников: «Пересмотр церковной догматики с целью выделения тех особенностей, которые были внесены в нее бывшим в России строем. Пересмотр церковной литургии с целью выяснения и устранения тех наслоений, которые внесены в православное богослужение пережитым народом союза церкви и государства, и обеспечение свободы пастырского творчества в области богослужения, без нарушения совершительных обрядов таинств»[4]. Стал также выходить журнал «Живая Церковь» под редакцией сначала священника Сергия Калиновского, а затем Евгения Белкова.

Началась агиткампания. Везде объявлялось, что Патриарх передал ВЦУ церковную власть по собственной инициативе, и

они являются законными ее представителями. Для подтверждения этих слов им необходимо было склонить на свою сторону одного из двух названных Патриархом его заместителей: «Ввиду крайней затруднительности в церковном управлении, возникшей от привлечения меня к гражданскому суду, почитаю полезным для блага Церкви поставить временно, до созыва Собора, во главе церковного управления или Ярославского митрополита Агафангела (Преображенского) или Петроградского Вениамина (Казанского)» (Письмо Патриарха Тихона Председателю ВЦИК М. И. Калинин)[5]. Были предприняты попытки войти с Владыкой Вениамином в переговоры.

25 мая протоиерей Александр Введенский посещает его с извещением «в том, что он, согласно резолюции Святейшего Патриарха Тихона, является полномочным членом ВЦУ и командирован по делам Церкви в Петроград и другие местности Российской Республики». Митрополит Вениамин отказался[6]. А 28 мая в послании к петроградской пастве отлучил от Церкви Введенского, Красницкого и Белкова[7].

Это был тяжелый удар по авторитету «Живой Церкви». Влияние Владыки Вениамина было очень велико на верующих. Обновленцы не могли с этим смириться. Вновь к нему явился Введенский в сопровождении ответственного за церковные дела в губкоме РКП(б) И. Бакаева. Они предъявили ультиматум: отмена послания от 28 мая или создание против него и других петроградских священников дела по сопротивлению изъятию церковных ценностей. Владыка ответил отказом. 29 мая он был арестован.

С 10 июня по 5 июля 1922 г. в Петрограде прошел процесс, по которому 10 человек приговорили к расстрелу, 36 — к тюремному заключению. Затем 6 приговоренных к расстрелу помиловал ВЦИК, а четверо были расстреляны в ночь с 12 на 13 августа: митрополит Вениамин (Казанский), архимандрит Сергей (председатель Поместного Собора 1917-1918 гг., в миру — В. П. Шеин), председатель правления общества

православных приходов Ю. П. Новицкий и юрист Н. М. Ковшаров[8].

В Москве также судили группу священнослужителей, обвиняемых в подстрекательстве к беспорядкам. В качестве свидетеля был вызван на суд Патриарх Тихон. После допроса Патриарха 9 мая 1922 г. «Правда» писала: «В Политехнический музей на процесс "благочинных" и на допрос Патриарха набилась тьма народа. Патриарх смотрит на беспримерный вызов и на допрос свысока. Он улыбается наивной дерзости молодых людей за судейским столом. Он держится с достоинством. Но мы присоединимся к грубому святотатству московского трибунала и вдобавок к судебным вопросам бухнем еще один, еще более неделикатный вопрос: откуда такое достоинство у патриарха Тихона?»[9] По решению трибунала 11 обвиняемых были приговорены к расстрелу. Патриарх Тихон обратился к председателю ВЦИК Калинину о помиловании осужденных, поскольку они никакого сопротивления изъятию не оказывали и контрреволюцией не занимались. ВЦИК помиловал шестерых лиц, а пятеро — протоиереи Александр Заозерский, Василий Соколов, Христофор Надеждин, иеромонах Макарий Телегин и мирянин Сергей Тихомиров — были казнены. Трибунал также вынес постановление о привлечении Патриарха Тихона и архиепископа Крутицкого Никандра (Феноменова) к суду в качестве обвиняемых.

Подобная ситуация происходила по всей стране. Был создан институт уполномоченных ВЦУ при епархиальных управлениях. Эти уполномоченные имели такую власть, что могли отменять решения епархиальных архиереев. Они пользовались поддержкой госучреждений, прежде всего ГПУ. 56 таких уполномоченных были разосланы по епархиям. В их задачи входило собрать вокруг себя на местах признавших ВЦУ епископов и священников и единым фронтом вести борьбу против тихоновцев[10].

Дела обновленцев шли в гору. Большим событием для них было присоединение к «Живой Церкви» митрополита Владимирского

Сергия (Страгородского) и появление в печати 16 июня 1922 года заявления трех иерархов («меморандум трех» — митрополита Сергия и архиепископов Евдокима Нижегородского и Серафима Костромского, — в котором ВЦУ признавалась «единственной канонически законной церковной властью»)[11]. Как позднее признались авторы этого документа, на этот шаг они пошли в надежде возглавить ВЦУ и повернуть его деятельность в каноническое русло, «спасти положение Церкви, предупредить анархию в ней»[12]. Также этот поступок такого мудрого иерарха, как митрополит Сергий, был обусловлен тем, что другого административного центра не было, а жизнь Церкви без него казалась невозможной. По их мысли нужно было сохранить церковное единство. Многие из архиереев перешли в обновленчество, следуя примеру митрополита Сергия — такой у него был авторитет.

Немалая часть священников подчинялась ВЦУ, боясь как репрессий, так и снятия с должности. Последнее было обычным делом. Сам председатель ВЦУ епископ Антонин в беседе с корреспондентом газеты «Известия» признался в грубых методах работы обновленцев: «Я получаю из разных концов жалобы на нее ("Живую Церковь"), на ее уполномоченных, которые своими действиями и насилиями вызывают сильное раздражение против нее»[13].

В июле 1922 года «из 73 епархиальных архиереев 37 присоединилось к ВЦУ, а 36 последовали за патриархом Тихоном»[14]. К августу власть в большинстве епархий перешла в руки «Живой Церкви». Обновленцы все более и более набирали силу. Они пользовались большим преимуществом — у них был административный центр и готовые на расправу чекисты. Но у них не было того, что дало бы им действительную победу — народа.

Участник событий той эпохи, М. Курдюмов, вспоминал, что простой народ видел неправду «советских попов». «Помню один случай в Москве осенью 1922 г., — мне надо было найти священника, чтобы отслужить панихиду в Новодевичьем монастыре на могиле моего духовника. Мне указали

неподалеку два домика, где жило духовенство. Подойдя к калитке одного из этих домиков, я долго искал звонок. В это время проходила мимо меня простая женщина лет 50-ти, в платке. Увидев мое затруднение, она остановилась и спросила:

— Вам кого надо?

— Батюшку, панихиду отслужить...

— Не сюда, не сюда... испуганно заволновалась она. Здесь живцы живут, а вот правее идите, там Тихоновский батюшка, настоящий»[15].

«Красная церковь, — вспоминает об обновленцах еще один свидетель событий из числа рядовых прихожан, — пользовались тайным покровительством Советов. Явно они не могли взять ее на свое иждивение, в силу того же декрета об отделении Церкви от государства.

Рассчитывали на ее пропаганду и на привлечение к ней верующих. Но в этом обочились, верующие не шли, храмы ее пустовали и не имели никаких доходов ни от треб, ни от тарелочного сбора — не хватало средств даже на освещение и отопление, вследствие чего церкви начали постепенно разрушаться. Так в Храме Христа Спасителя совсем испортилась стенопись — работа наших лучших мастеров. Сперва на ней появились пятна плесени, а затем краски стали лупиться. Так было еще в 1927 году»[16]. Народ стоял за патриаршую Церковь.

Но беда состояла в том, что не было административного центра: со взятием Патриарха под арест он был потерян. Однако Патриарх перед своим арестом назначил своим заместителем митрополита Агафангела (Преображенского), который находился на тот момент в Ярославле. Митрополит стараниями обновленцев был лишен возможности приехать в Москву. Ввиду создавшегося положения 18 июля 1922 года он выпускает послание, в котором называет ВЦУ незаконным и призывает епархии переходить на самостоятельное, автономное управление. Таким образом, часть не принявших обновленчество епископов перешла на автономное

управление. Это было очень важным делом для патриаршей Церкви — появился путь, по которому можно было не присоединяться к обновленцам, которые с помощью власти готовили свой так называемый организационный «Съезд».

«Всероссийский съезд белого духовенства»

6 августа 1922 г. в Москве был созван Первый Всероссийский съезд белого духовенства «Живая Церковь». На съезд прибыло 150 делегатов с решающим голосом и 40 — с совещательным. Съезд решил лишить сана Патриарха Тихона на предстоящем Поместном Соборе.

На этом съезде был принят устав, состоящий из 33 пунктов. В этом уставе провозглашался «пересмотр школьной догматики, этики, литургики и вообще очищение всех сторон церковной жизни от позднейших наслоений». Устав призывал «к совершенному освобождению церкви от политики (государственной контрреволюции)»[17]. Особенно скандальным было принятие резолюции, по которой разрешался белый епископат, вдовым священнослужителям позволялось вступать во второй брак, монахам слагать с себя обеты и вступать в брак, священникам жениться на вдовах[18]. Центром обновленческого движения был признан Храм Христа Спасителя.

На Московскую кафедру с последующим возведением в сан митрополита был избран архиепископ Антонин (Грановский). Что это был за человек, можно судить по воспоминаниям современников. Митрополит Антоний (Храповицкий) дал следующую характеристику: «Я вполне допускаю вероятность того, что среди сорока тысяч русского духовенства нашлось несколько негодяев, восставших против святейшего патриарха, имея во главе известного всем развратника, пьяницу и нигилиста, побывавшего клиентом дома умалишенных еще двадцать лет назад»[19]. Любопытную характеристику дал Антонину человек из художественной среды и по вероисповеданию католик: «На меня особенно сильное впечатление произвел архимандрит Антонин из Александро-Невской лавры. Поражал его громадный рост, поражало прямо

демоническое лицо, пронизывающие глаза и черная как смоль, не очень густая борода. Но не менее меня поразило и то, что стал изрекать этот иерей с непонятной откровенностью и прямо-таки цинизмом. Главной темой его беседы было общение полов. И вот Антонин не только не вдался в какое-либо превозношение аскетизма, а напротив, вовсе не отрицал неизбежности такого общения и всяких форм его»[20].

Введение брачного епископата нанесло сильный удар по авторитету обновленцев. Уже на самом съезде, сознавая все последствия такого решения, епископ Антонин попытался было возразить, на что Владимир Красницкий ответил ему: «Не надо стесняться канонами, они устарели, многое надо отменить»[21]. Это не могло быть не замечено. Газета «Московский рабочий» не упустила удобной возможности едко прокомментировать полемику епископа Антонина с Красницким: «Теперь же, отменяя всякие кары за отречение от монашеских обетов и предоставляя епископское звание белому, женатому духовенству, она (Церковь) уверяет, что только в настоящее время избирается путь, предуказанный отцами Церкви, Соборами, церковными правилами. Мы должны сказать верующим — смотрите: церковные правила, что дышло, куда повернул, туда и вышло»[22].

Собор потребовал закрытия всех монастырей и преобразования сельских монастырей в трудовые братства.

Был поставлен вопрос об организации церковного управления. Верховным органом управления, по утвержденному проекту, является Всероссийский Поместный Собор, созываемый каждые три года и состоящий из делегатов, избираемых на епархиальных собраниях из духовенства и мирян, пользующихся одинаковыми правами. Во главе епархии стоит епархиальное управление, состоящее из 4 священников, 1 клирика и 1 мирянина. Председателем епархиального управления является епископ, не пользующийся, однако, никакими преимуществами. То есть, как видно, в епархиальных управлениях преобладало белое духовенство.

Также участники съезда предприняли попытки переустроить финансовую систему Церкви. Был зачитан доклад «О единой церковной кассе». Первый пункт этого доклада был направлен против приходских советов, которые по декрету 1918 года определяли внутрицерковную жизнь. По докладу полагалось изъять все источники дохода из ведения приходских советов и передать их в распоряжение ВЦУ[23]. Однако правительство не приняло такого предложения, и обновленцы могли только быть участниками в распоряжении средств в приходских советах[24].

Этот съезд был началом крушения «Живой Церкви». На нем исчезли последние надежды на благодетельность реформ — попирались каноны, разрушалось основание Церкви. Было ясно, что православные отвернутся от таких реформ. Это не могло не вызвать острых противоречий внутри самого движения. Обновленчество дало трещину.

Началась внутренняя борьба. Оскорбленный на соборе митрополит Антонин 6 сентября 1922 г. в Сретенском монастыре так выразился о белом обновленческом духовенстве: «Попы закрывают монастыри, сами садятся на жирные места; пусть знают попы, что пропадут монахи — пропадут и они»[25]. В другом разговоре он заявил следующее: «Ко времени собора 1923 г. не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой. Вся Сибирь покрылась сетью архиепископов, наскочивших на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков»[26].

Стало ясно, что обновленцы пережили пик своего стремительного взлета — теперь началось медленное, но необратимое их разложение. Первым шагом к этому стал раскол внутри самого движения, съедаемого противоречиями.

Разделение обновленческого движения

Процесс разделения обновленчества начался в 20-х числах августа 1922 г. после окончания первого Всероссийского съезда белого духовенства.

24 августа на учредительном собрании в Москве была создана новая группа — «Союз церковного возрождения» (СЦВ), возглавляемая председателем ВЦУ митрополитом Антонином (Грановским). К нему присоединяется Рязанский комитет группы «Живая Церковь», большая часть Калужской группы, епархиальные комитеты живоцерковников Тамбовский, Пензенский, Костромской и других областей. За первые две недели перешли 12 епархий[27].

Всероссийский «Союз церковного возрождения» выработал свою программу. Она заключалась в преодолении разрыва между обновленческим духовенством и верующим народом, без поддержки которого реформаторское движение обречено на провал. СЦВ требовал лишь богослужебной реформы, оставляя нетронутыми догматические и канонические основы Церкви. В отличие от «Живой Церкви» СЦВ не требовал упразднения монашества и допускал поставление в епископы как монахов, так и белого духовенства, но не женатого. Второбрачие клириков не допускалось.

22 сентября епископ Антонин официально заявил о выходе из ВЦУ и прекращении евхаристического общения с «Живой Церковью». Произошел раскол внутри раскола. Протоиерей Владимир Красницкий решил прибегнуть к испытанной силе — он обратился в ОГПУ с просьбой выслать епископа Антонина из Москвы, потому что «он становится знаменем контрреволюции». Но там Красницкому указали, что «органы власти не имеют никаких оснований вмешиваться в церковные дела, не имеют ничего против Антонина Грановского и нисколько не возражают против организации нового, второго ВЦУ»[28]. Вступил в действие план Троцкого. Теперь началась массовая антирелигиозная пропаганда без исключения ко всем группировкам. Стали выходить газета «Безбожник», журнал «Атеист» и т. д.

Красницкому пришлось идти иным путем. Он пишет письмо епископу Антонину, где согласен на любые уступки, лишь бы сохранить единство обновленческого движения. Начались переговоры. Но они ни к чему не привели. А в это время

случился еще один раскол. В среде петроградского обновленческого духовенства была образована новая группа — «Союз общин древлеапостольской церкви» (СОДАЦ). Основателем этого движения стал протоиерей Александр Введенский, состоявший ранее в группе «Живая Церковь», а затем перешедший в СЦВ.

Программа СОДАЦ занимала промежуточное положение между группами «Живая Церковь» и «Союз церковного возрождения». Она, хотя и была по своим социальным задачам более радикальной, чем последние, решительно требовала осуществления идей «христианского социализма» в общественной и внутрицерковной жизни. СОДАЦ решительно выступал за пересмотр догматики. Этот пересмотр должен был состояться на предстоящем Поместном соборе: «Современная мораль Церкви, — говорили они в своем «Проекте реформ церкви на Соборе»[29], — насквозь пропитана духом рабства, мы же не рабы, но сыны Божии. Изгнание духа рабства, как основного принципа морали, из системы этики есть дело Собора. Также должен быть изгнан капитализм из системы морали, капитализм есть смертный грех, социальное неравенство недопустимо для христианина»[30].

Программа СОДАЦ требовала пересмотра всех церковных канонов. В отношении монастырей они желали оставить лишь те, которые «построены на принципе трудового начала и носят аскетически-подвижнический характер, например Оптиная пустынь, Соловки и др.»[31]. Допускался женатый епископат, также в своих выступлениях члены союза высказывались за второбрачие клириков. В вопросе о формах церковного управления СОДАЦ требовал уничтожения «монархического принципа администрирования, соборное начало взамен единоличного». В литургической реформе выступали за «введение древлеапостольской простоты в богослужении, в частности в обстановке храмов, в облачении священнослужителей, родной язык взамен языка славянского, институт диаконис и т. д.». В деле управления приходскими делами вносили равноправие всех членов общины: «В управлении делами общин, а также и их объединений

(епархиальных, уездных, районных) участвуют на равных правах пресвитеры, клирики и миряне»[32].

Затем помимо трех основных групп обновленцы стали дробиться на другие более мелкие толки. Так, протоиерей Евгений Белков основал в Петрограде «Союз религиозно-трудовых общин». Междоусобная война грозила провалом всего движения. Необходим был компромисс. 16 октября на заседании ВЦУ было решено реорганизовать состав. Теперь оно состояло из председателя митрополита Антонина, заместителей — протоиереев Александра Введенского и Владимира Красницкого, управляющего делами А. Новикова, 5 членов от СОДАЦ и СЦВ и 3 от «Живой Церкви». Была создана комиссия по подготовке Собора[33]. По мысли обновленцев он должен был уладить все разногласия внутри движения и закрепить окончательную победу над тихоновцами.

«Второй Всероссийский Поместный Собор»

Обновленцы с самого начала захвата церковной власти заявляли о необходимости созыва Поместного Собора. Но этого не нужно было властям. По мысли советского руководства Собор мог стабилизировать ситуацию в Церкви и устранить раскол. Поэтому еще 26 мая 1922 г. Политбюро РКП(б) приняло предложение Троцкого занять выжидательную позицию в отношении существовавших направлений в новом церковном руководстве. Сформулировать их можно так:

1. сохранение Патриаршества и выборы лояльного Патриарха;
2. уничтожение Патриаршества и создание лояльного Синода;
3. полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления.

Троцкому нужна была борьба между сторонниками трех этих направлений. Наиболее выгодной он считал позицию, «когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признает другая часть, организуемая под знаменем синода

или полной автономии общин»[34]. Советской власти было выгодно тянуть время. Со сторонниками патриаршей Церкви решили расправиться путем репрессий.

Первоначально Собор планировалось провести в августе 1922 г., но эти сроки переносились неоднократно ввиду известных причин. Но с началом разделения обновленческого движения требования его созыва стали настойчивее. Многие надеялись, что на нем будет найден всех устраивающий компромисс. Советское руководство решило пойти на уступку. По замыслу Тучкова, «Собор должен был явиться трамплином для прыжка в Европу»[35].

25 декабря 1922 г. Всероссийским совещанием членов ВЦУ и местными епархиальными управлениями было решено собрать Собор в апреле 1923 г. До этого времени обновленцы поставили себе задачей обеспечить своих делегатов. Для этого в епархиях созывались благочиннические собрания, на которых присутствовали настоятели храмов с представителями от мирян. По большей части настоятели были обновленцами. Естественно, они рекомендовали сочувствующих мирян. Если находились тихоновские настоятели, их немедленно смещали, заменяя обновленческими[36]. Такие манипуляции позволили обновленцам иметь подавляющее большинство делегатов на предстоящем Соборе.

Собор проходил под тотальным контролем ГПУ, которое имело до 50% своего уведомления. Он открылся 29 апреля 1923 г. и проходил в «3-м доме Советов». На нем участвовало 476 делегатов, которые разбились на партии: 200 — живоцерковников, 116 — депутатов от СОДАЦ, 10 — от СЦВ, 3 — беспартийных обновленца и 66 депутатов, названных «умеренными тихоновцами», — православные по убеждениям епископы, клирики и миряне, малодушно подчинившиеся обновленческому ВЦУ[37].

На повестке дня стояли 10 вопросов, основными из которых были:

1. Об отношении Церкви к Октябрьской революции, к Советской власти и Патриарху Тихону.
2. О белом епископате и второбрачии духовенства.
3. О монашестве и монастырях.
4. О проекте административного устройства и управления в Российской Православной Церкви.
5. О мощах и реформе календаря[38].

Собор провозгласил полную солидарность с Октябрьской революцией и Советской властью.

3 мая было объявлено о лишении Святейшего Патриарха Тихона священного сана и монашества: «Собор считает Тихона отступником от подлинных заветов Христа и предателем Церкви, на основании церковных канонов сим объявляет его лишенным сана и монашества с возвращением в первобытное мирское положение. Отныне патриарх Тихон — Василий Беллавин»[39].

Поскольку церковное общество было решительно против изменения православного вероучения и догматов, а также реформы богослужения, Собор был вынужден ограничить размеры реформаторства. Однако он разрешил второбрачие священникам — женитьбу на вдовах или разведенных. Монастыри закрывались. Благословлялись только трудовые братства и общины. Сохранялась идея «личного спасения» и почитание мощей. 5 мая был принят Григорианский календарь.

Собор в качестве руководящего органа Церкви избрал высший исполнительный орган Всероссийского Поместного Собора — Высший Церковный Совет («Совет» звучал благозвучнее, нежели «Управление») под председательством митрополита Антонина. В него вошли 10 человек от «Живой Церкви», 6 человек от СОДАЦ и 2 человека от «Церковного возрождения».

Согласно утвержденному «Положению об управлении Церковью» епархиальные управления должны были состоять из 5 человек, из которых избираются 4 человека: 2 священнослужителя и 2 мирянина. Председателем назначается

епископ. Все члены епархиального управления должны были утверждаться ВСЦ. Викарные (уездные) управления должны были состоять из 3 человек: председателя (епископа) и двух членов: священнослужителя и мирянина[40].

Собор пожаловал протоиерея Владимира Красницкого титулом «Протопресвитера всея Руси». А протоиерей Александр Введенский был поставлен в архиепископа Крутицкого и после хиротонии переехал в Москву, где приблизился к руководству обновленческой церковью.

Казалось, Собор провозгласил победу обновленческой Церкви. Теперь Русская Православная Церковь приняла новый облик и взяла новый курс. Патриаршая Церковь была почти уничтожена. Не было практически никаких надежд. Только Господь мог помочь в таком бедственном положении. Как пишет святитель. Василий Великий, Господь попускает злу на время получить торжество и победу, казалось бы всецелую, чтобы потом, когда восторжествует добро, человек благодарил никого иного, как только Всевышнего.

И помощь Божия не замедлила прийти.

[1] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 216.

[2] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 18.

[3] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 287.

[4] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 18-19.

[5] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 286.

[6] Там же. С. 293.

[7] Там же. С. 294.

[8] Шкаровский В. М. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 19-20.

- [9] Цыпин В., прот., проф. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). — М.: Сретенский монастырь, 2006. — С. 382-383.
- [10] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 20.
- [11] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 303.
- [12] Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. — М.: Республика, 1995. — С. 70.
- [13] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 20.
- [14] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 101.
- [15] Соловьев И. В. Краткая история т.н. «обновленческого раскола» в Православной Российской Церкви в свете новых опубликованных исторических документов // Обновленческий раскол. Общество любителей церковной истории. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 26.
- [16] Там же. С. 29.
- [17] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 260.
- [18] Там же. С. 264.
- [19] Цыпин В., прот., проф. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). — М.: Сретенский монастырь, 2006. — С. 393.
- [20] Там же. С. 385-386.
- [21] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 265.
- [22] Там же.

- [23] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 187-188.
- [24] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 24.
- [25] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 281.
- [26] Цыпин В., прот., проф. История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700-2005). — М.: Сретенский монастырь, 2006. — С. 393.
- [27] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 205.
- [28] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 26.
- [29] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 210; ЦГА ТАССР. Ф. 1172. Оп. 3. Д. 402. Л. 43.
- [30] См. также: Программа реформ на обновленческом соборе 1923 г., предложенная «Живой Церковью» 16–29 мая 1922 года // URL: <https://www.blagogon.ru/biblio/718/print> (дата обращения: 04.08.2017 года).
- [31] Там же. С. 214.
- [32] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 214-216.
- [33] Шкаровский М. В. Обновленческое движение в Русской Православной Церкви XX века. — СПб., 1999. — С. 27.
- [34] Там же. С. 23.
- [35] Регельсон Л. Трагедия Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2007. — С. 327.

[36] Кузнецов А. И. Обновленческий раскол в Русской Церкви. — М.: Издательство Крутицкого подворья, 2002. — С. 304-305.

[37] Русская Православная Церковь XX век. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — С. 169.

[38] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 232.

[39] Русская Православная Церковь XX век. — М.: Сретенский монастырь, 2008. — С. 170-171.

[40] Шишкин А. А. Сущность и критическая оценка «обновленческого» раскола Русской Православной Церкви. — Казанский университет, 1970. — С. 232-239.